

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОБРАЗЫ КЫРГЫЗСКОГО ОХОТНИЧЬЕГО ЭПОСА «КОЖОЖАШ»

Бул макалада кыргыздардын «Кожожаш» эпосундагы көркөм образдарынын өзгөчөлүгү чагылдырылган.

В статье раскрыты взаимоотношения человека и природы через показ художественных образов мифологических персонажей.

This article is about interrelations of a man and nature through mythological characters.

В кыргызском фольклоре, как и в фольклоре многих народов, каждый образ чудесных животных является художественным символом, за которым чувствуется дыхание веков. В эпосе «Кожожаш» человек вступает в единоборство с природой (Суречки). Кожожаш с варварством истребил все многочисленное потомство Суречки и самца Алабаша. Свой проступок охотник оправдывает велением всевышнего с самого начала его рождения быть врагом природе. Образы богов присутствуют в эпосах всегда. По представлениям, например, древних греков, все небо заселено богами, которые управляют жизнью человека на земле. И кыргызские эпосы не составляют исключение. Образы небесных богов – покровителей прочно вошли в фольклор кыргызов. В эпосе «Кожожаш» через образы небесных каипов и пери обрисовано рождение героя и его невесты. Следующие строчки мотивируют поступки героя велением небесных богов.

Суречки, сага башынан

Мени кас кылып кудай жараткан. /1/ (стр. 115)

Волею всевышних богов я

Рожден врагом тебе, Суречки.

Картина истребления природы представлена сказителями через некоторые звуковые образы «жылт этип», «бурк этип», «тырп этип», «кылт этип», сказитель достиг образного описания кончины Алабаша. Эти звукосочетания передают молниеносность гибели Алабаша теке. Глагольные звукосочетания булатты, сулатты передают недрогнувшую руку и душу Кожожаша при расправе с Алабашем, раскрывая окончательный отход от сдерживающего табу. Такие звуковые образы чаще всего применяются почти во всех охотничьих эпосах разных народов: «на дно ущелья рухнули рога с грохотом», «зашумел осыпавшийся песок», «со скалы полетели со звоном, грохотом, скрежетом», «прозвенел своими подковами», «ружье прогремело». «В тиши природы каждый звук полон смысла для насторожившегося охотника. Шум осыпавшегося песка или крыльев пролетевшей птицы может быть решающим для успеха охоты. Карканье ворона

говорит о том, что где-то недалеко труп, «крик ружья» в ущелье знаменует победу кого-то другого, а звон рогов или их грохот наполняют радостью душу охотника» /2/.

Картина уничтоженной природы в эпосе «Кожожаш» вызвала гнев ее прародительницы. Слова суудай акты майлары (жир от убиенных кайберенов потек, словно вода), «тебетейдей кулатты» (козленок слетел с горы, словно тебетей с головы слетел), передают трагическую картину истребления природы. Сказитель дает понять, что такой акт вандализма будет непременно наказан. Подобные сравнения встречаются почти во всех произведениях фольклора, где показано варварское отношение человека к природе. Эпос «Кожожаш» исполняется сказителями под аккомпанемент кыргызского комуза. Язык этой древней поэзии богат метафорами, эпитетами и сравнениями. При анализе поэтических тропов нельзя забывать, что в архаичных памятниках, связанных с мифологическими представлениями, ряд образов вырос именно из них. Иногда, наоборот, художественному образу навязывается мифологическое содержание. Кыргызская эпическая поэзия насыщена подобными художественными образами, подсказанными развитым художественным творчеством народа. Так, в основе художественных образов эпоса «Кожожаш» лежат наиболее архаичные, мифологические представления. Чаще всего мы встречаем их в метафоричных сравнениях и гиперболах. Например, бег охотника подобен вьюге и смерчу (шамал менен куюшдай), по отношению к Кожожашу применен эпитет (жейрен аяк) – бег подобен бегу степного сайгака. Кожожаш сравнивается с ветром. И это не случайно. В древности огромную роль в жизни человека играли природные явления. Некоторые из них, например, сильные метели, вьюги, пурга приносили ущерб хозяйству, во время сильных ветров человек не мог охотиться.

Кожожаш вытирает руки об полшкуры быка (Кожожаштын майлыгы, чаар өгүздүн териси). Мир животных очень часто применяется для сравнения эпических персонажей. Это связано с тем, что кыргызский народ, который имел скотоводческий уклад жизни, воспринимал их не только с хозяйственно-бытовой, но и эстетической точки зрения. Одним из ярких образов, отражающих физическую силу богатырей, является бык. Образ быка олицетворяет силу и мощь богатыря. Можно полагать, древнейший образ быка, отраженный в фольклоре, сохранил свое классическое содержание, стал функционировать в кыргызском эпосе в виде образа сравнения. Посмотрим сравнения, образы которых взяты из мира хищных зверей кыргызских гор, оказавших огромное влияние на художественную ткань эпоса. Тигр – жолборс, олицетворяет ярость сильнейших богатырей и их врагов. В изображении злобного вида мстителя Молдожаша применена сравнительная форма: «ач жолборстой чамынып» – разбушевался как голодный тигр. Такую же функцию в эпосе «Кожожаш» имеет образ волка – бөрү. Через образ волка передается ярость, гнев Молдожаша. И в уста испугавшейся священной Суречки сказители вложили сравнения «ач бөрөдөй – подобно голодному волку, «ач жолборстой» – подобен голодному тигру.

Знакомые человеку явления природы олицетворяли собой какую-то злую или добрую силу. Большинство этих эпитетов создает впечатление реальной жизни, носит художественный характер. Так, охотник, бьющий без промаха, он способен к быстрому передвижению. Стрела или ружье, не пропускающие зверя (жаза тийбес Акбаран), украшены золотом. Ночь темная, туманная.

Скала Аблетим: снежно-ледяная, инеем покрытая, высокая, качающаяся. Ветер неугомонный, кусающийся. В раскрытии мифологического образа Суречки широко применяются метафоры, эпитеты, сравнения. Например, в описании действий Суречки и Алабаш встречаются такие строки: Какылдаган Сур бейбак. В кыргызском языке, обычно, слово «какылдаган» употребляется к слову «ворона» (каркает, как ворона). То есть в поэме данное словосочетание несет значение «накаркать». Ну а Сур бейбак означает «несчастливая». Карабет шордуу (женщину, у которой умер муж, во время похорон в патриархальном обществе называли «карабет») – лицо, почерневшее от горя. Сынар эмчек куу эчки (израненные груди Суречки). Эти строчки передают состояние трагического образа кайберен. Они выражают всевозможные мысли, чувства, настроение сказителя и слушателя по отношению к персонажам. Активным источником образов эпических сравнений в эпосе «Кожожаш» является пейзаж. Особенно активны образы тоо (гора), тоонун теци (половина горы). Величиной гор измеряется телосложение мифологического животного Алабаша и сила охотника: Тоодой болгон чош теке (огромный, как гора Алабаш), Тоодой кылып жүктөдү (взвалил на себя Алабаша). Таким образом, «гора» стала конкретным выражением всего крупного, гигантского. Ну, а душу человека кыргызы чаще всего представляли в виде мухи (чымын), которая будто бы находится в человеке. С мухой сравнивается душа Кожожаша, когда он остается на скале Аблетим. Данное сравнение по своему происхождению, видимо, относится к более позднему этапу развития художественного сознания. Профессор Х.Карасаев происхождение выражения «чымын жан» («душа – муха») связывает с мифом Корана о мухоподобных душах, созданных аллахом /3/.

В народное сознание понятие о «душе – мухе» действительно могло перейти из корана. Об этом говорят и функции этих сравнений во всех эпосах. Они применяются во всех случаях, когда герой попадает в беду. В эпосе «Кожожаш» к такому сравнению сказитель прибегает при описании смерти охотника: чымындай жанын кыйнады (измучилась его душа, подобная мухе). Рассмотрим портретную характеристику Алабаша теке: Тоодой болгон Куу теке – серый козел огромный, как гора. Текенин мүйүзү көктө, сакалы жерде – у козла рога доходят до небес, борода – до земли.

Рассмотрим эпизод, когда Суречки уговаривает своего Алабаша уйти на другие пастбища. Она вещунья, которая предвидит предстоящую трагедию, и хочет ее предотвратить. Но Алабаш не слушается Суречки. Упрямство Алабаш и его недоверие к своей Суречки, наряду с его действиями, представлены через звуковые образы. В кыргызском языке их представляют подражательные слова.

Улагым аткан мергендер,

Убайым тартпай кайтчы эмес...

Эркексинип эчкини,

Карс дегизе бир сүздү. /1/ (стр. 124)

«Охотник, стрелявший в козленка,

Не возвращался, не потерпев неудачу.

Чтобы доказать себя мужчиной,

Алабаш боданул Суречки.

Слово «карс» несет значение сильного стука от удара рогами.

В ожидании своего Алабаша, Суречки очень проголодалась, и это состояние тоже передается при помощи подражательных слов, придающих гиперболичность ее действиям.

Керт этип чөптү жебедим. /1/ (с. 126)

Кылт этип сууну ичпедим.

Жолунду карап чакчайып

Турган жерден түшпөдүм.

Ни одну травинку не скушала я,

Ни капли воды не испила я.

Смотря на дорогу, не сомкнула глаз.

С места этого не спускалась я.

Слова «керт этип» (звук от прожевывания травы), «кылт этип» (звук от глотания чего-нибудь), «чакчайып» (смотреть, не отводя глаз) означают, что Суречки не отводила взор от своего Алабаша.

Зооморфные персонажи никогда не отказываются от своих слов, не забывают о своих клятвах. Так, борьба человека и природы заканчивается трагедией. Охотник погибает. В эпосе гибель охотника передается через художественный образ черного ворона. О самом охотнике, о трагической его гибели не сказано прямо. Но «воссевшие на вершине скалы Аблетим безмолвные черные вороны» свидетельствуют о том, что где-то в пропасти валяется тело погибшего.

Показ художественных образов был бы не полным без обрисовки портрета Зулайки – главной героини эпоса. Зулайку называют «пери» (букв. «чудесная» или «волшебная дева»). То есть пери – небесный ангел. Очень часто сказители употребляют образ солнца, который является олицетворением теплоты, блеска, особенно торжественного состояния души. Популярность образа солнца, луны в фольклоре, конечно, не случайна. Для древних людей, которые были в тесной связи с природой и целиком зависели от нее, солнце было основным источником жизни. В своей непосредственной деятельности они выделяли значимость отдельных явлений природы. По мере осознания себя личностью, вследствие многогранной деятельности человек начинает постигать гармонию в окружающем мире. Поэтому не случайно в творчестве многих народов положительные героини наделяются «солнечными» чертами, их красота сопоставляется с природными явлениями. Все увиденное красивое, находит свое выражение в любимых народом фольклорных образах. Так, Зулайка «тууган айдай жаркылдап» (луною блещет Зулайка), «алтын сыйпап койгондой» (Зулайка, словно золотом помазанная). Данная портретная характеристика Зулайки содержит в себе истоки, идущие от мифологических архетипов. Девизом описания являются образные тропы, создающие впечатление яркого сияния. Сравнение облика Зулайки с блеском луны – образный троп, уходящий своими поэтическими корнями в мировоззрение древних людей, соотносивших прекрасное, и особенно женскую красоту, с космологическими

природными явлениями. Солнечной символикой определяется, прежде всего, телесная красота героинь. Ту же функцию несет и луна. Зулайку называют «ай жамалдуу» (лунолика). Образ Венеры постоянно участвует в изображении ясных глаз персонажей. Например: глаза Суречки «Чолпондй көзү жайнады» (Глаза блестели, словно Венера). Сказитель применил это сравнение в эпизоде гибели охотника, когда Суречки, совершив свою месть, смотрела на Кожожаша.

Для многих сказок, мифов и эпических сказаний сравнение красавицы с луной, солнцем или звездами – устоявшийся мотив. В эпических портретах длинные волосы до пят, никого не оставляющие равнодушными, поэтизируются с помощью устойчивых сравнений: «суусардай» (словно мех куницы), «калтардай» (словно мех черно-бурой лисицы), «кундуздай» (словно мех выдры), «жибектей» (словно шелк). Описание внешнего облика Зулайки передано в эпосе устами Кожожаша: Калтардай басып күлдөгөн (Словно черно-бурая лиса, ты переливалась), турна моюн, бото көз (шея журавлиная, глаза, как у верблюжонка). Метафора «турна моюн» возникла по ассоциации с горделиво посаженной головой на длинной шее журавля. Томность глаз, величина, цвет их передаются сравнениями, объектами которых выступают обычно черная смородина, драгоценные камни, верблюжьи или бараньи глаза: «Бото көз» – верблюжьи глаза Зулайки. Сравнения с образами животных, птиц в кыргызском эпосе вообще применяются почти всегда.

Таким образом, арсенал эпических сравнений в «Кожожаше» чрезвычайно богат и разнообразен. В эпических сравнениях, применяющихся в целях создания картины эпического мира, широко используются образы предметов и явлений объективного мира: природы, космоса, образы диких хищников и домашних животных. Не остались в стороне и образы птиц и растений. Широко применено лексическое богатство кыргызского языка. Все эти эпические сравнения являются необходимой частью художественного строения эпоса «Кожожаш».

Список литературы

1. Кожожаш. «Эл адабияты» сериясынын 1-тому. Бишкек: «Шам» басмасы, 1996. – 115 б.
 2. Вирсаладзе Е.Б. Грузинский охотничий миф и поэзия. – М.: Наука, 1976. – С. 159.
 3. Кыдырбаева Р. Народно-поэтические традиции в эпосе «Жаңыл-Мырза». – Фрунзе: Изд-во АН Киргизской ССР, 1960. – С. 64.
 4. Липец Р.С. «Завоеванная женщина» в тюрко-монгольском эпосе //Фольклор и историческая этнография. – М., 1983. – 261 с.
-